

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
УДК 130.2(045)

Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются социокультурные трансформации, происходящие в эпоху цифровизации, затрагивающие в первую очередь ценностные парадигмы социума, которые включают в себя и сами традиции, и общественные институты, их формирующие и поддерживающие. Отмечается, что цифровизация, коренным образом меняя традиционное общество, формирует новые ценностные ориентиры. Выявлено, что стабильность, устойчивость, уверенность в завтрашнем дне заменяются на нестабильность, реактивность и мобильность, формируя две основные тенденции: детрадиционализацию и фундаментализм. Выявлено, что глобальное космополитическое общество порождает глокализацию как форму протеста, в основе которого лежит идея децентрализации и сохранения локальных культур. Отмечено, что элиминируется традиционный институт семьи. Анализ процессов самоидентификации в эпоху цифровизации приводит к выводу о формировании множественной идентичности, всемирного сообщества цифровых транс-индивидов. В конце статьи автор делает вывод о том, что устойчивое состояние незащищенности, неуверенности, постоянная смена точек зрения и социальных ролей порождает поликультурность и гибридность идентичности, а социокультурные трансформации в эпоху цифровизации коренным образом переформируют основные области жизни социума, формируя новые жизненные ценности.

Ключевые слова: социокультурные трансформации; цифровизация; традиционные институты; ценностные ориентиры

Для цитирования: Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48

ORIGINAL PAPER

Socio-cultural Transformations in the Era of Digitalisation

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

ABSTRACT

The article analyses the socio-cultural transformations taking place in the digitalisation era, affecting primarily the value paradigms of society, which include the traditions themselves and the social institutions that form and support them. The author noted that digitalisation, radically changing the traditional society, forms new value guidelines. Further, the author revealed that stability, resilience, confidence in the future are replaced by instability, reactivity, and mobility. It forms two main trends: detraditionalisation and fundamentalism. The author revealed that the global cosmopolitan society generates glocalisation as a form of protest, based on the idea of decentralisation and preservation of local cultures. Also, the author noted that there is the process of eliminating the traditional institution of the family and the creation of its new forms. An analysis of self-identification processes in the era of digitalisation leads to the conclusion about the formation of multiple identities – a worldwide community of digital trans-individuals. The author concluded that a stable state of insecurity, insecurity, a constant change of points of view and social roles gives rise to multiculturalism and hybridity of identity. The author also concluded that socio-cultural transformations in the era of digitalisation fundamentally reformat the main areas of society's life, forming new life values.

Keywords: socio-cultural transformations; digitalization; traditional institutions; values

For citation: Zamaraeva E.I. Socio-cultural transformations in the era of digitalisation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48

Скорость цифровых трансформаций беспрецедентна, цифровые технологии стремительно вошли в нашу жизнь и стали основой науки, образования, экономики, промышленности, информационной сферы, во многом изменив различные сферы жизни человека, его привычки, менталитет, образ жизни. Трансформация социума в эпоху цифровизации затрагивает традиционные социальные институты и парадигмы, что обуславливается объективными процессами, происходящими в глобальном мире. «Экспертное мнение в целом едино: эти процессы необратимы, они приобретают глобальный масштаб и обуславливают формирование нового социального устройства в мире» [1, с. 7].

Эти изменения касаются, прежде всего, ценностных парадигм традиционного общества, которые включают в себя и сами традиции, и их формирующие общественные институты, такие как: традиционные трансляторы культуры (университеты, библиотеки, музеи, театры), институт государства, институт семьи и брака, институт трудовых отношений, а также современные средства массовой информации и коммуникации.

В первой четверти XXI в., когда процессы цифровизации определяют основные сферы жизни, можно определить стремительное изменение и разрушение традиционного общества и его ценностных парадигм. Традиционное общество регулируется ритуалом, обычаем, традицией, жесткой сословной социальной иерархией. Традиционному человеку свойственен холизм в восприятии мира, неразрывно-целостное его понимание, не подлежащее изменению, которое несет сакральные смыслы. Место человека в этом мире четко определено, жизнь имеет цель и смысл, который поддерживается всей социальной структурой общества. В таком обществе преобладают коллективистские настроения, индивидуализм не одобряется, нарушение заведенного порядка рассматривается как катастрофа, человек живет в локальном сообществе с сильными родовыми связями, основанными на авторитете и традиции. Это парадигма так называемой «механической солидарности».

Эпоха цифровизации коренным образом меняет эту парадигму, трансформируя, прежде всего, ценностную и смысловую ориентацию. Традиция и ритуал, основанные на повторяемости, устойчивости и стабильности, однозначности смыслов, заменяются неопределенностью и тотальным

плюрализмом во всех областях. Иерархичность традиционного общества размывается, коллективизм заменяется индивидуализмом, традиционные ценности, такие как семья, община, труд, ритуалы, обычаи, заменяются на нечто новое, постоянно меняющееся. Стабильность, устойчивость, уверенность в завтрашнем дне заменяются на турбулентность, реактивность и мобильность; динамичность и риск становятся главными характеристиками цифрового общества начала XXI в., его основной мобилизующей силой.

Традиция — главная концепция консерватизма, которой противостоит детрадиционализация как основная тенденция либерализма. Детрадиционализация ведет к космополитизму, концу традиции, которая сохраняется только в музейном деле и индустрии туризма, когда происходит ее коммерциализация, переходящая в китч. Закрытость и консерватизм традиции трансформируются в свободу, открытость, автономность и независимость, диалог и дискуссию. Современное постиндустриальное цифровое общество, прежде всего западное — это общество вне традиций, что требует от человека самостоятельности в принятии решений и ответственности за свои действия. Если традиция защищает, охраняет, дает устойчивость и уверенность в завтрашнем дне, то детрадиционализация, лишая человека устойчивости, дает свободу действий, освобождение от ограничений прошлого. Уходит традиция — меняется основа для самоидентификации. В традиционном обществе ощущение себя как личности осуществляется за счет стабильности социального положения в рамках общества, разрушение традиции требует активности, создания иной идентичности.

Другой моделью, которая появляется в ответ на разрушение традиции, является фундаментализм. Фундаментализм, по меткому выражению Э. Гидденса, — это «традиции в осаде», это нежелание понять неоднозначность современного мира, отказ от диалога и компромиссов. «Главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. В глобализирующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы. Космополиты приветствуют и воспринимают это культурное многообразие, фундаменталисты считают его тревожным и опасным явлением. Они ищут прибежище в об-

новленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии» [2, с. 20]. Фундаментализм — явление, базирующееся на страхе, неуверенности, растерянности перед стремительно меняющимся миром, чувстве враждебности к тому, что считается причиной неудач. Ресентимент — основа фундаментализма, так как чувство слабости и неполноценности, приводит к формированию такой системы ценностей, которая кардинально отличается от системы ценностей оппонента. Создается образ врага, чтобы свалить на него все неудачи собственной жизни. Фундаментализм, с одной стороны, борется с глобализацией, а с другой, использует все ее достижения, и прежде всего цифровые технологии, в своих целях, что перерастает в кибертерроризм — основную угрозу современности [3].

Социокультурные трансформация цифровой эпохи затрагивают и общественные институты, важнейшими из которых являются традиционные системы транслирования культуры и знаний, каковыми всегда считались университеты, библиотеки, музеи, театры. К концу XX в. эти функции взяла на себя медиасфера, узурпировав право распространять и пропагандировать знания, формируя «желательное» общественное мнение, заменив традиционных «создателей смыслов», писателей, ученых, университетских профессоров, высокообразованных специалистов популярными медийными лицами без специального образования. Именно цифровая реальность способствовала формированию медиапространства как новой реальности. Наиболее влиятельным медийным средством П. Бурдье [4] считал телевидение, на смену которому сегодня пришел интернет. И речь идет не об отражении действительности, а о создании новой реальности: людей заставляют верить в происходящее на телеэкране и экране монитора. Это мощная «индустрия сознания», циничный безнравственный бизнес, связанный с производством и распространением информации.

Телевидение, а в последнее время интернет являются мощнейшим оружием в политической и идеологической борьбе, именно они мобилизуют социальные группы населения, внушая определенные идеологические установки. СМИ и интернет обладают беспрецедентным влиянием в информационном обществе, однако сами являются заложниками системы, выполняя заказы владельцев медийных корпораций. Поэтому телевидение и интернет как «индустрия

сознания» являются именно символической властью, создающей и навязывающей определенные представления. Информация и коммуникация выступают для производителей как коммерческий продукт, поэтому олигополия новостей — это рынок с несколькими крупными игроками. Именно медийные «интеллектуалы», чей научный кругозор невелик, выступают в качестве «создателей» смыслов, не неся при этом никакой ответственности за распространяемые идеи, мнения, прогнозы. При этом именно дилетантами осуществляется мощное давление на научное и культурное поле, — так медийные лица определяют темы, проблемы, мнения.

В начале XX в. на смену телевидению приходит интернет, и современные интернет-журналисты и блогеры выполняют все те же функции, которые в конце века выполняли тележурналисты, только с большим успехом и на большую аудиторию.

Рынок медийных услуг глобализуется. Транснациональные медиакорпорации, поглощая частные небольшие издания, формируют глобальное информационное пространство, которое для огромного количества людей имеет большее значение, чем включенность в собственную национальную культуру, манипулируют общественным мнением и создают иллюзию свободного информационного поля. К началу нового тысячелетия, по мнению Э. Гидденса, формируется новый цифровой медиапорядок, особенностью которого является не только концентрация собственности в руках крупных игроков, но и переход СМИ от общественных к коммерческим, частным; сокращение государственного регулирования; возрастание многообразия медийных продуктов и преобладание экономической и политической цензуры. В настоящий момент на мировом информационном рынке лидирует несколько глобальных транснациональных корпораций, в числе которых America Online — Time Warner, Walt Disney Co, News Corporation и некоторые др. Продукцией, распространяемой глобальными СМИ, являются не только новостные и развлекательные программы, но и фильмы, сериалы, музыка, реклама, которая тоже глобализуется.

Доминирование западноевропейских и американских транснациональных медиахолдингов обусловлено экономическим и технологическим превосходством, которое продуцирует культурное превосходство, создает европоцентристский «образ мира» для всего человечества. Источником 90% всех информационных сообщений на

международные темы служат четыре западных агентства: Associated Press, UPI (США), Reuters (Великобритания), France Press (Франция), которые определяют идеологический подтекст сообщений. Таким образом, весь мир смотрит на происходящие события глазами «белого человека», «большого брата». Поэтому информационное неравенство — это еще одно проявление доминирования западной парадигмы мышления, так называемый медиаимпериализм.

Важнейший социокультурный институт государства тоже претерпевает значительные изменения. Цифровизация формирует глобальное космополитическое общество, традиционные национальные государства трансформируются в постсовременные, в которых все больше полномочий делегируется международным организациям (ВТО, ООН, МВФ и др.) и транснациональным корпорациям, так как государственное вмешательство в экономику снижается. Легкость миграции и свободное перемещение капиталов ослабляют влияние государства на своих граждан. Европейский союз — ярчайший пример такого транснационального управления, при котором происходит отказ от части суверенитета государств, входящих в его состав. Глобализация — это не только изменение системы мирового хозяйства, но и конец эпохи суверенных государств, когда локальные политические деятели почти ничего не решают и ни на что не влияют. Полномочия отдельных государств переносятся на международный уровень, суверенные государства теряют свою независимость. Становится популярной концепция глобального космополитического общества (global society), согласно которой все люди Земли являются гражданами мира.

Однако следствием глобализации является и проблема автономий на местах, новый регионализм, так называемая глокализация. Глобальные государственные объединения не в состоянии увидеть и решить проблемы регионов. Поэтому активизируется процесс глокализации как формы протеста, в основе которого лежит идея децентрализации и сохранения локальных культур. Ярчайшими примерами таких процессов являются Brexit и референдум о независимости в Каталонии. Особенно ярко проявили себя процессы глокализации в период пандемии 2020 г., когда закрылись границы государств, стало невозможным свободное перемещение не только по миру, но и внутри стран, и глобальное космополитическое общество стало разваливаться буквально на

глазах, потому что западная парадигма мышления — это индивидуализм, в котором нет места единству и сплоченности в минуты опасности.

Областью проявления социокультурной трансформации в цифровую эпоху является и традиционный институт семьи и брака. Существование семьи как малой социальной группы и социального института в традиционном обществе обусловлено общественными потребностями. Семья и брак — это исторически сложившаяся, социально обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая обязанности по отношению друг к другу, обществу, детям. Традиционная семья основывается на неравенстве полов, двойных стандартах по отношению к мужчине и женщине (что можно мужчине, то не дозволено женщине), отсутствии законодательно оформленных прав у детей. Семейные и брачные отношения принципиально меняются в начале XXI в. «Стандартная» семья 50-х гг., где мужчина является добытчиком, а жена домохозяйкой, уходит в прошлое. Углубляется феминизация, расширяются права женщин, они активно участвуют в жизни общества. Традиционный институт семьи в эпоху глобализации и цифровизации заменяется мобильной семейной сетью, раскинувшейся в нескольких странах. Зачастую это двуязычная семья, поэтому билингвизм и полилингвизм все активнее завоевывают мир.

Современная семья не создается для узаконения сексуальных отношений, секс отделяется от продолжения рода, предполагает наличие чувства любви и привязанности друг к другу, чего не было раньше в традиционных браках. Происходит узаконение гомосексуальных отношений и гомосексуальных браков, увеличивается количество семей с одним родителем, женщины все чаще рожают вне брака, осознанно выбирая этот путь. Треть детей рождается вне брака. Все шире заявляет о себе движение «чайлдфри», т.е. осознанный выбор семьи без детей [2].

Традиционные брак и семья — это «институты-пустышки», по выражению Э. Гидденса. Новой ячейкой глобального общества становится «пара», место института брака занимает новая форма — «отношения», не санкционируемые ни обществом, ни государством, легко создающиеся в цифровом пространстве и легко распадающиеся, демократия чувств и отношений, основывающихся на равенстве, доверии, дружбе, открытости

и свободе коммуникации. Однако свобода выбора и отсутствие обязательств порождают инфантилизм, позднее взросление молодежи, стремление уйти от ответственности, эскапизм, в первую очередь цифровой. Именно поэтому пандемия коронавируса привела к стремительному росту количества разводов, ведь общаться и сосуществовать в цифровом пространстве гораздо легче, чем в реальности. По данным Росстата, в апреле 2020 г. было зафиксировано 13,8 тыс. разводов, после снятия ограничений количество выросло до 19 тыс.¹

Социокультурные трансформации затрагивают и область личной идентичности. «Цифровая реальность в определенной мере вытесняет наши языки, культуры, идентичность», — пишет исследователь Е.В. Бестаева [5, с. 83]. Происходит переопределение личной идентичности, появляются так называемые множественные идентичности, всемирное сообщество цифровых транс-индивидов, которые переходят из одной культурной системы в другую, везде ощущая себя чужими. Устойчивое состояние незащищенности, неуверенности в себе и в завтрашнем дне, постоянная смена точек зрения и социальных ролей, поликультурность, гибридность идентичности приводят к формированию так называемого трикстерного сознания, воспринимающего субъектность как карнавал с различными масками сознания, легко входящими в другие культурные системы, иные идентичности.

Формируется новая социокультурная модель: транс-модерная идентичность, кочевник цифрового мира. Высокая динамика цифровой коммуникации, гибкий рационализм, отсутствие связи информационной картины мира с реальностью приводят к тому, что человек теряет свою идентичность, он не знает, кто он, каков смысл его жизни, каковы его ценности и цели, идентичность становится текучей, фрагментированной, а сознание — клиповым [6].

Не менее важной областью трансформации современного цифрового социума являются трудовые отношения. Глобальные процессы, связанные с четвертой промышленной революцией, с особой остротой ставят проблему трудовых отношений и социального неравенства. Цифровое неравенство наносит удар по экономикам развивающихся стран, стремительно исчезают рабочие

места в связи с автоматизацией и роботизацией. Цифровые технологии используются для того, чтобы обойти трудовые соглашения, фискальные системы, цифровизация ликвидирует рабочие места, меняет экономические, юридические, аксиологические характеристики труда. Многие профессии исчезают, другие исчезнут в ближайшее время. Причем прогнозировать эти тенденции подчас невозможно в связи с появлением так называемых «подрывных» (дизруптивных) технологий, меняющих кардинальным образом наш мир в считанные дни. Прежние трудовые отношения, которые строились на единстве целей, доверии, на основе командного духа, дружного коллектива (Team building), моделей корпоративного менеджмента (когда ответственность за результат несут все члены коллектива), исчезают, так как «человеческое облако» позволяет работодателю быть свободным от социальных и тем более моральных обязательств. Формируется мир прекариата, открывается путь «легальной и нелегальной миграции из стран третьего мира (причем, преимущественно инокультурной)» [8, с. 58], что размывает устойчивость социума. Вместо коллективной ответственности — так называемая распределенная ответственность, вместо единых целей — индивидуальные, новая цифровая реальность формирует новые ценности.

Динамика развития социума в цифровую эпоху ведет к вымыванию так называемого среднего класса, увеличению неравенства. Успеха достигает тот, кто способен в полной мере участвовать в инновационно ориентированных системах через поставку новых идей, остальные становятся неудачниками, и их число растет. Формируется не только социальное, но и онтологическое неравенство. В обществах, где растет неравенство, меньше продолжительность жизни, ниже уровень доверия и благополучия детей и стариков, выше уровень агрессии, психических заболеваний, процент наркомании и самоубийств, эпидемий и несчастных случаев, велик рост социальных рисков.

Таким образом, социокультурная трансформация в эпоху цифровизации, затрагивая основные области жизни социума, переформатирует саму сущность человека, его ценностные и смысловые ориентиры. Гиперкоммутированный высокотехнологичный социум начала XXI в. меняет не только традиционные социальные институты, но и мышление человека, его аксиологические парадигмы.

¹ URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2020/5f4498929a7947297c66f79b>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Весь мир; 2004. 129 с.
3. Волобуев А.В. Фундаментализм в религии, науке и политике: краткий обзор. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-5-439>.
4. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. Перевод с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; 2002. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3061>.
5. Бестаева Е.В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):80–85.
6. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/10.pdf>.
7. Шатилов А.Б. Элита, лидер, народ в современных развитых государствах: опыт рационального анализа иерархии власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016;6(3);54–60.

REFERENCES

1. Tyurikov A. G., Bolshunov A. Ya. Information technologies as a social challenge of the XXI century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.).
2. Giddens E. The Elusive World: How Globalization Changes Our Lives. Translated from English. Moscow: Ves Mir Publishing House; 2004. 129 p. (In Russ.).
3. Volobuev A. V. Fundamentalism in Religion, Science and Politics: An Overview. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-5-439>. (In Russ.).
4. Bourdieu P. About television and journalism. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 2002. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3061>. (In Russ.).
5. Bestaeva E. V. Sociolinguistic aspect of the development of modern digital technologies. Benefits and risks. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):80–85. (In Russ.).
6. Tlostanova M. V. Man in the modern world: problems of multiple identity. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/10.pdf>. (In Russ.).
7. Shatilov A. B. Elite, leader, people in modern developed states: Experience of rational analysis of the hierarchy of power. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016;6(3);54–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
zamaraeva_e@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
zamaraeva_e@mail.ru

Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 05.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.